

Моя Чехия

Из цикла стихотворений

1.

Мостовая,
точно река,
вьётся по городу.
Идешь не спеша,
словно по дну
прежнего русла
и времени,
из памяти камня
переливая
отзвуки тихого шёпота
давней воды.

2.

Меж валунами с бегущей водой
пробивается время.
Чувствуя жажду,
подносишь пригоршню—
сотни ладоней тянутся,
точно ковши.
Не иссякает поток ледяной:
каждую пригоршню—доверху,
времени дух в каждом глотке...
А оглядишься—
души ни единой в округе:
скрыты за дымкой веков.
Ты—в одиночестве полном.

3.

Пение жаворонка
к самому небу взлетает,
делает круг по орбите
и льётся грибными дождями.
В шорохе капель,
светящихся золотом солнечным,
дедов и прадедов эхом
отдаются в душе голоса...
Но только жаворонок
песней своею способен
их воскрешать
и возвышать.

Верба

Верба в лёгкой дымчатой рубашке
веткой помахала мне когда-то,
а на ней—пушистые барашки,
как новорождённые цыплята.

Показалось, большего не надо:
отщипну—от вербы не убудет,
золотого радостнее клада
мне барашек на ладони будет...

За отцовским домом на пригорке
так полдня за ними и скакала—
до изнеможения, да в горстке
счастья всё равно недоставало.

А порой осеннею однажды
взял отец и рубанул по вербе—
и на счастье детская надежда
золотыми листьями померкла...

Как во сне увижу те барашки—
глажу их, не пробуя проснуться,
и до вербы в дымчатой рубашке,
как до счастья, силюсь дотянуться.

Сигудэк

Фото, снятое в прежнем веке,
отзывается акварелью—
то мой прадед на сигудэке
под высокой играет елью.

Эта музыка—словно друга
долгожданные отголоски.
Плещет на стороны округа
родникового сердца брызги...

Он, едва попадая в руки,
оборачивается птицей,
вместо гальки клюющей звуки
ручьевые над половицей.

И на взлёте иного века
сквозь межени и половодья
душу леса и человека
открывает его мелодия.

Чесалка

Снова бабушке стричь овцу помогаю—
в коробе облаком шерсть вырастает белым.
Не углядишь—подхватит неба пригоршня голубая,
и потому придавливаю всем телом.

Зимний рассвет будит повизгиванием усердным—
это чесалка космы запутанные раздирает.
Словно тяжёлые частые грабли сухое сено
на кочковатом лугу расчёсывают, разбирают.

Чистую шерсть раскладывает бабушка по газетам
и прижимает сверху для тяжести табуретом.
Сто раз на дню гляжу: отлежались уже комочки?
Так я весной слежу, как набухают почки...

Снова чесалке на полке маяться не при деле,
длинные ночи и дни считая до новой стрижки.
Очередь прядки—и ворохам лежащей в углу кудели
долгой не стоит ждать от бабушки передышки.

Оркестр

Под гармошку в детстве песни я распевала,
как меня отец учил, не журия за промахи.
Помню, платье белое лёгкое надевала
и качалась, как цветущая гроздь черёмухи.

А как выросла да сама меха растянула,
на одну лишь песню и вытянулось терпение.
Так душа моя, дорога ли повернула
на другую музыку да на иное пение.

Всем у нас в роду была дудка дадена—
задудят, глядишь, и дальше до удивления...
У отца гармошка, да сигудэк у прадеда,
я с гитарой—вот и оркестр через поколения.

Половик

Ткать половик начать—точно выйти в путь:
льются в земной узор лоскутки, как в реку,
через века привычную выплывать
жизнь по основе, суженой человеку.

Вот на станке ложатся за рядом ряд
северные края чередой цветною:
луг травяной, малиновая заря,
бор золотой с небесною синевою.

В тёплой избе застелем скоблённый пол
новой дорожкой—пёстрая, как живая.
И погляди: ребёнок уже пошёл—
волны взбивая, падая, но вставая...

Вырастет—не удержишь. Но в свой черёд
тот половик незримо—клубок и тропка—
тоже вперёд покатится, понесёт
ниточку жизни бережно, неторопко.

Решето

Словно хранились в амбаре небесном
свежего солнца цвета—
снежные хлопья в полёте отвесном
сыплют как из решета.

Издавна так, через мелкие сита
перепуская слова,
россыпями драгоценного света
их собирает молва.

Не изо всякого разговора,
ссоры и толчеи—
не пропускают худого сора
частые ячеи.

И, в пересуды войдя земные,
мёртвые, как зола,
перетлевают слова иные—
холодно и дотла.

А разгоревшемуся за годы
слову живому—лечь,
словно зерну золотой породы,
в сердце. О том и речь.

Лодка

Лодка битым камнем полна.
Горка—словно чья-то спина.

Сгрузит и обратно на круг—
пашет реку лемехом плуг.

Возит целый год напролёт—
ни секунды не отдохнёт...

Чёрные гнилые борта
точит ледяная вода.

Починить бы, да одного
не хватает—нет никого.

По деревне здешней давно
не горит окно ни одно,

и повис в непамятных днях
над обрывом сад на корнях.

Буйный ветер, силою рьян,
валит иван-чай да бурьян.

А звучит над ними один
эхом от церковных руин

колокольный сдавленный звон
в медленном качании волн...

Искушая тягостный грех,
возит камни лодка за всех.

Прялка

Помню, бабушка пряла медленно у окна,
поправляя изредка чёсаную кудель.
Так зима лучи вытягивает из солнца,
чтобы в ясный день морозный согреть людей.

Эта прялка служит с какого незнамо года:
с ней ещё прабабушка до свету не спала,
а потом как верный знак ремесла и рода
по наследству старшей дочери отдала.

Потускнела роспись лопасти, что икона.
Как морщинки—трещинки: миг—и пойдут слова.
Может, прапрабабушка наша во время оно
отразилась в древе хранильницей мастерства...

Дочерей у бабушки не было—точно пробасть,
и совсем почернела прялка на чердаке...
Не умею прясть, но шершавую трону лопасть—
будто прикасаюсь к бабушкиной щеке.

крестовый клевер

сестре

крестовый клевер—к счастью, говорят.
ты помнишь, как, найдя его однажды,
кузнечиком к тебе я прискакала?
от радости тогда я открылилась,
а ты их находила каждый день...
но правда ли, что он приносит счастье?
всё так, ты говоришь,—когда-нибудь
тебе он счастье принесёт большое.
да сколько для того ещё придётся
таких зелёных крестиков собрать...
но если веришь, можно собирать
диковины—растения и камни.
а можно ничего не собирать:
когда-нибудь одна большая вера
в одно большое счастье обернётся—
диковинное, как крестовый клевер,
да на ухабах вряд ли различишь.

Пояс

В горнице не скрипнет половица—
из цветной кудели нитяной
лёгкий начинает мастерица
ткать узорный пояс шерстяной.

Вновь переплетутся, как впервые,
алая и снеговая нить
в знаки родовые, вековые—
от судьбы недоброй охранить.

Ровной получается дорога
каждой нити—нет ни узелка.
Полнится притоком понемногу
женской доли вечная река.

Даже одалью, в стороне,
ты ещё заодно со мною,
но сегодня—ни слова: мне
надо свыкнуться с тишиною.

Горе слышится в глубине—
незалеченное, живое.
Расступились, а боль—вдвойне,
несвободы обоим—вдвое.

Расцветало—да отцвело,
наливалось—да помельчало...
Всё, что сердце вчера свело,
отпустило. Живу сначала.

С детства самого не приучена
быть я ласковою,
открытою.
Только в этом стихотворении
напишу тебе:

«Мама, милая,—
я люблю тебя!..»

Помнишь,
как в больнице оказалась ты,
и тогда я,
маленькая девочка,
осыпала платя поцелуями,
плакала навзрыд,
моля Всевышнего,
чтобы поскорее ты поправилась?
Как теперь сама домой наведуясь,
выйдешь ты навстречу, долгожданная,—
сердце разрывается от нежности...»

А в глаза не сумею вымолвить:
«Я люблю тебя...»

Гармонь

Расщепляясь напополам,
откликается: пик-пилик...
Так полено под топором
издаёт мимолётный вскрик.

Пальцы ловкие в ход пойдут,
кнопки мелкие шевеля,—
и мелодии побегут,
словно юркие соболя.

Полной грудью поёт гармонь,
веселит летовой зенит.
И в отцовских глазах июнь
колокольчиками звенит...

Уцепись за небо, держись его,
не отпускай его,
чтобы вьюга не замела
тебя посреди дорог.
На земле пускай следа
не оставишь ни одного —
всё равно искать не начнёт никто,
если ты одинок.

Горизонт обходи неспешно,
не задевая звёзд,
научись различать
знаки неба, леса и голосов,
чтобы жизнь распахнулась настежь,
как глухариный хвост,
отведя навсегда прикипевший
к сердечной двери засов.

В самый центр небесный выйди,
дороги свои верша,
как меха гармонии, сердце раскрой,
не боясь стыда, —
станет воздуха легче,
воды прозрачней твоя душа...
И тогда, наконец, я тебе поверю —
но лишь тогда.

Коромысло

Девушка грустно поёт —
не громче ветра,
на коромысле несёт
полные вёдра.
Жизнью налиты самой,
вот и таскает
их напролёт под луной —
не опускает...

Левое полно лучей:
если качнётся —
брызжащий светом ручей
в сердце очнётся.
Правое — льда ледяней:
если наклонит —
ноющей болью людей
горе накроет.
Оба до дна разольёт,
если запнётся, —
наземь падёт небосвод,
перевернётся...

Наше житьё да бытьё
держит плечами.
Словно ракиту, её
время качает,
ведая — времени нет,
медлит с ответом,
чем питается свет —
тьмой или светом.

Не раздвину рукою я облачного свинца,
не порадую взгляд небесною синевой —
ледяной тоскою день пронизывает сердца,
точно ветер северный — улицу, завывая.

Но я верю, что за пеленою свинцовой той
ангел мой летит бездонною высотой,
чтобы душу мне высветить искрою золотой
и её запалить словесною красотой.

А очистится небо — и снова преграды нет:
омываюсь я миром, как будто водой проточной.
И когда ниспадает на сердце небесный свет,
становлюсь на миг, точно воздух земной, прозрачной.

крылья стрекозы

в жёлтом песке увидела
стрекозы слюдяные крылышки —
так они на ветру трепетали,
словно дальше без тела хотели
жить вопреки всему.
может, просто ещё не поняли,
что теперь их направить некому.
синие-синие — ясного неба синее.
жилки на них поперёк — точно вены речные,
что память её последнего дня
растворили в себе.

она захлебнулась потоками долгого ливня,
что и меня отгонял от свежей могилы
бабушки мужниной: я не смогла попрощаться
вместе со всеми, когда её хоронили, —
слишком была далеко.
только к девятому дню прилетела,
но ощущала её постоянно рядом —
точно кадры кино, мелькали перед глазами
наши мгновения с ней...

с креста она пристально так на меня глядела,
как будто оттуда мягко меня жалела,
и мне тяжело было вынести в первый раз
пронзительный взгляд улыбчивых добрых глаз.
а я ощущала себя стрекозой бескрылой,
что к встрече последней летела что было силы,
да вот — опоздала, и крылья опали с плеч,
подобно листе осенней, чьё время лечь
и в тесном дворе затоптанной быть ногами...

тогда ни единого звука не проронила —
слова облаками вагы застряли в горле...
на сороковины я принесу те крылья —
быть может, в дороге они пригодятся ей.